

Наряду с этим первые две части книги бесспорно заслуживают внимания. Они представляют собой солидную сводку современных знаний о хозяйстве и культуре различных индейских групп Северной Америки, хорошо иллюстрируемую многочисленными картохемами. Несомненно, что третья часть работы, посвященная рассмотрению экономических вопросов, представляет собой наибольший интерес.

К работе приложена подробная схематическая карта расселения индейских племен ко времени колонизации материка, которая и положена в основу имеющихся в книге картосхем.

Иллюстрация книги картохемами, несомненно, очень полезна, особенно в области материального производства. Авторы детальнейшим образом картографируют распространение отдельных явлений. Но, как уже отмечалось выше, содержание некоторых картосхем четвертой части книги вызывает большие сомнения.

Нельзя не отметить как положительную сторону работы Драйвера и Массея обширную библиографию важнейших исследований по этнографии коренного населения Северной Америки.

Ю. Аверкиева

НАРОДЫ СССР

Українська етнографія. Київ, 1958.

Рецензируемая книга составляет четвертый том «Ученых записок» Института искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук Украинской ССР. Она состоит из статей, посвященных исследованию актуальных вопросов современной этнографии. Различна проблематика статей, неодинаков их научно-теоретический уровень, однако для всех характерны некоторые общие черты. Важнейшей из них является изучение мало исследованных вопросов жизни и быта украинского народа до и после Великой Октябрьской социалистической революции.

В подавляющем большинстве статей, объединенных в томе, используется преимущественно новый материал, почерпнутый из республиканских и областных архивов, а также собранный авторами во время экспедиций, направленных в послевоенные годы отделом этнографии Института в различные районы Украины¹. Тесное сочетание исследовательской и полевой собирательской работы дало возможность авторам статей ставить и решать отдельные научные проблемы на новом, интересном материале. Статьи сборника показывают, насколько важно для ученого-этнографа проводить непосредственные наблюдения за жизнью и бытом народа: это позволяет внести в научную работу живую струю, проследить рождение нового и его сочетание со старым, традиционным, а главное, сделать свои труды полезными не только для науки в узком смысле слова, но и для практики.

Именно в тесной связи с современностью мы видим основное достоинство рецензируемого тома «Ученых записок».

Открывается том статьей К. Г. Гуслистого «Этапы формирования украинской буржуазной нации». Проблема, решение которой намечается в статье, почти не изучена: нет, в частности, определенной точки зрения ни на время зарождения, ни на время окончательного формирования украинской буржуазной нации.

К. Г. Гуслистый совершенно правильно рассматривает вопрос об этапах формирования украинской буржуазной нации не изолированно от аналогичного процесса у русских и белорусов, а в связи с ним. Автор отмечает, что бурное развитие промышленности в городе и капиталистических отношений в деревне, пребывание большей части Украины в рамках единого русского государства, наконец, естественная тяга украинцев к России — во многом предопределили общие черты формирования буржуазных наций у русских и украинцев. Одновременно с этим в истории Украины было много таких событий, которые вносили своеобразие в этот процесс, например, расчлененность украинских земель, которые во второй половине XVII — первой половине XVIII в. находились под властью нескольких государств: России, Польши, Венгрии и зависимой от Турции Молдавии, а также наличие массового народного национально-освободительного движения, возглавленного Богданом Хмельницким.

Вполне понятно, что отмеченные исторические факторы по-разному влияли на процесс формирования украинской буржуазной нации: одни тормозили его (полити-

¹ Информации о некоторых из них см. в статьях: Г. Е. Стелъмах, Этнографическая экспедиция в Волынскую область в 1955 г.; его же, Маршрутная этнографическая экспедиция в Черкасскую, Полтавскую, Запорожскую, Днепропетровскую и Кировоградскую области в 1955 г.; Е. М. Кравец, Комплексные экспедиции 1955 г.; О. М. Косарик, Этнографическо-фольклорная экспедиция в район строительства Кременчугской ГЭС (май 1956 г.); А. С. Кунцкиий, Экспедиции по изучению быта рабочих Украины, — опубликованных в разделе «Экспедиции» рецензируемого тома «Ученых записок».

ческая разобщенность Украины), другие ускоряли (большие народные движения, развитие капитализма и т. д.).

К. Г. Гуслистый, опираясь на основополагающие указания классиков марксизма-ленинизма, внимательно рассматривает роль перечисленных факторов в формировании украинской буржуазной нации. Он считает важным этапом в этом процессе период кризиса феодально-крепостнической системы и развития капиталистического уклада в конце XVIII — первой половине XIX в. Окончательное завершение этого процесса произошло, по мнению автора, в период высшей стадии капитализма — империализма.

В связи с рассмотрением вопроса о формировании украинской буржуазной нации К. Г. Гуслистый ставит ряд интересных вопросов из области развития общенациональной культуры, литературы и, в частности, устного народно-поэтического творчества. Приходится сожалеть, что автор обошел такой важный и интересный вопрос, как консолидирующее значение устной народной поэзии в формировании общенационального языка. Этот чрезвычайной важности вопрос, к сожалению, совершенно не изучен. Имеется только весьма ценное для исследователей замечание акад. В. В. Виноградова о роли русского фольклора в формировании русского национального языка². Несомненно, что украинский фольклор также играл значительную роль в образовании украинского языка. Данная проблема требует специального исследования, но в порядке постановки вопроса или в виде отдельного тезиса она должна была найти место в работе о формировании украинской буржуазной нации.

В рецензируемом томе «Ученых записок» опубликована статья Д. К. Зеленина «О киевском происхождении карпатских украинцев — гуцулов». Д. К. Зеленин на основании некоторых сходных черт в быте, одежде, формах ведения хозяйства и в искусстве гуцулов и населения Киевской Руси делает вывод о том, что родиной гуцулов является Киев.

В статье исследуется обширный материал, в ней содержится ряд интересных наблюдений и замечаний, но вместе с тем в ней встречается и несколько ошибочных положений. Так, неверны положения автора об обусловленности высокого развития производства художественных изделий только близостью рынка сбыта, о заимствовании гуцулами форм животноводства от валахов, ошибочна датировка возникновения у гуцулов поливной керамики (конец XIX в.), на что справедливо указано в редакционных примечаниях на стр. 16 и 19.

Нельзя полностью согласиться и с объяснением автором факта отсутствия в искусстве гуцулов чужих влияний только трудно доступной горной местностью и низким уровнем народного образования (стр. 21). Конечно, отмеченные факторы имеют определенное значение в ограничении влияний культуры других народов. Однако известно, что гуцулы никогда не жили совершенно изолированно. Работы на лесосплаве, на уборке урожая у живущего на равнине населения, наконец, походы в села и города для обмена продуктов — все это вело к контактам с представителями других национальностей (чехами, словаками, поляками, молдаванами, немцами). Примерно аналогичные контакты у лемков, ближайших соседей гуцулов, значительно обогащают их фольклор заимствованиями от других народов.

Более правильно и полно, как нам представляется, вопрос о влияниях других народов на культуру и быт гуцулов был освещен Я. Ф. Головацким. «Они (т. е. гуцулы, — Б. К.), — писал Головацкий, — относились ко всему, что только выходит из пределов их местности и их быта, с какою-то недоверчивостью и боязнью. Чужая речь, чужой обычай, чужие порядки, и все, что выходит из области бытовой народа или что выше его умственного кругозора, все это для него чужеземное, чужестранное: «То-то не по нашему, не по христиански!». Горец не принимает его»³.

Таким образом, основной причиной сохранения самобытной культуры гуцулов является тщательное оберегание ими своего искусства, своих обычаев, своего языка от посторонних влияний.

Д. К. Зеленин считал, что тот высокий уровень художественной культуры и эстетических вкусов, который характерен для гуцулов, мог возникнуть и развиваться только вблизи такого большого торгового центра, каким являлся Киев. После разгрома последнего Батыем в XIII в. «много местных мастеров, не надеясь на быстрое возобновление большой торговли художественными изделиями, ушло на запад, где нашло себе пристанище в Бескидах (Карпатах)» (стр. 25). Переселившись на Карпаты, киевляне — гуцулы вынуждены были заняться животноводством. Традиционные художественные промыслы сохранились у них только для удовлетворения своих потребностей.

Здесь имеется некоторое противоречие. Во-первых, если развитие производства художественных изделий было вызвано торговлей⁴, то почему те многие мастера, о которых говорит автор, обосновались не около какого-нибудь западного города, где

² См. В. В. Виноградов, Великий русский язык, М., Гослитиздат, 1945, стр. 100—101.

³ «Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким», ч. 1. «Думы и думки», М., 1878, стр. 723.

⁴ На неправильность данного положения было указано выше. Обращаем также внимание на весьма интересное наблюдение Ю. П. Лашив, изложенное в статье «Косовские гончары» («Народна творчість та етнографія», 1957, № 1, стр. 64), об отрицательном воздействии рынка на творческую деятельность некоторых мастеров.

была торговля, а ушли в горы? Во-вторых, почему, сохраняя свое традиционное производство художественных изделий, они совсем оставили торговлю этими изделиями, бывшую, по мысли исследователя, для них не менее традиционной?

Сказанное о статье Д. К. Зеленина показывает, что вопрос о происхождении гуцулов, о возникновении и развитии их богатой художественной культуры, являясь недостаточно исследованным, нуждается в дополнительных научных изысканиях.

Изучению этнографического наследия украинского революционера-демократа И. Я. Франко посвящена опубликованная в томе статья М. Т. Ломовой («К изучению этнографического наследия И. Я. Франко»). Подчеркивая передовое, прогрессивное в деятельности Франко, М. Т. Ломова не прошла и мимо некоторых недостатков в мировоззрении писателя (обусловленных конкретно-исторической обстановкой экономически отсталой Галиции), в частности недооценки им ведущей роли рабочего класса в преобразовании общества.

Статья Г. Е. Стельмаха «Некоторые вопросы изучения народных жилищ на Украине XIX—XX вв.» может служить примером связи этнографической науки с практикой. Автор правильно указывает, что в связи с недостатками в проектировании индивидуальных жилых домов в сельской местности актуальной становится «необходимость изучить строительный опыт колхозного села, коллективное творчество колхозников и разработать на этой основе совершенные типовые проекты жилого дома колхозника» (стр. 43).

В статье Г. Е. Стельмаха рассматриваются основные типы украинских крестьянских жилищ и их генезис. Прослеженные типы сравниваются с типовыми проектами жилищ колхозников, выполненными различными организациями. Автор пришел к выводу, что проектировщикам необходимо обращать больше внимания на использование лучших традиций народной строительной техники.

Сугубо практические, казалось бы, цели статьи не уменьшили ее научно-познавательной ценности: в ней рассматривается большой фактический материал, делаются интересные сопоставления со строительной практикой других народов, и прежде всего русских и белорусов. Автора можно упрекнуть только в том, что он иногда несколько злоупотребляет сравнениями, привлекая типы строений немцев, поляков и других народов. В процессе исследования подобные сопоставления, конечно, должны делаться, но после того как были закончены наблюдения и сделаны соответствующие выводы, часть из них, подобно лесам на стройке, необходимо было убрать.

В статье А. С. Бежковича «Предварительные итоги изучения материалов этнографической командировки 1953 г. в западные области Украины» изложены некоторые наблюдения автора над искусством населения Черновицкой, Станиславской и Львовской областей. Целью командировки являлся сбор изделий артелей художественной промышленности и материала, характеризующего организацию и технику их производства. В центре внимания автора статьи — резьба по дереву и вышивание. Характер рисунка, способ его нанесения и т. п. рассматриваются в связи с местной народной традицией.

В статье обстоятельно описана терминология вышивальщиц. Представляет огромный интерес замечание автора о развитии узора вышивки, о переходе его от растительного к геометрическому. «С течением времени, — пишет Бежкович, — вышивальщицы некоторых сел, исполняя растительный узор, допускали стилизацию его, вернее, упрощение растительных контуров узора, и тем самым отклонялись от начального узора. Совершалось это не сразу, а постепенно. Одно поколение допускало только частичный отход от оригинала, а второе делало дальнейшие нововведения, и в результате растительный орнамент преобразовывался в геометрический. На долю третьего поколения вышивальщиц выпало завершение геометризации растительных форм орнамента» (стр. 67).

Если в вышивке переход от растительного орнамента к геометрическому совершился полностью, то в орнаменте резьбы по дереву, как отмечает автор статьи, «процесс смены растительного орнамента геометрическим не пошел дальше стилизации или некоторой геометризации» (стр. 69). Это объясняется, по-видимому, удовлетворенностью резчиков достигнутой степенью частичной геометризации.

Весьма любопытно заключительное замечание А. С. Бежковича о том, что в современном производстве растительный орнамент зачастую быстро вытесняется из художественной практики мастеров исключительно соображениями выполнения плана: геометрический орнамент более прост, и мастер, желая быстрее выполнить свой производственный план, выбирает именно его. По-видимому, руководителям артелей художественных изделий необходимо так строить систему планирования и оплаты, чтобы они стимулировали совершенствование мастерства, развитие всех видов народного традиционного орнамента, а не направляли усилий мастеров на выполнение заданий облегченного типа.

Представляет большой интерес и статья Г. Е. Стельмаха «Этнографическое районирование Украины конца XIX — начала XX вв.». Автор на основании изучения преимущественно явлений материальной культуры наметил следующие этнографические районы: Полесье, Карпаты, правобережная и левобережная Украина (в основном Приднепровье), Галиция и степная Украина. Как показывают итоги обсуждения данной работы Г. Е. Стельмаха на совещании в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии (см. стр. 162—171 рецензируемого тома), правильность намеренных районов подтверждается лингвистическими, музыкальными и другими данными.

В четвертом томе «Ученых записок» опубликованы также статьи: Б. С. Бутник-Сиверского — «Дома киевских ремесленников первой половины XIX в.», В. Г. Зинича — «Кобзарское искусство среди рабочих», Е. М. Кравец — «Некоторые вопросы местных особенностей развития семьи и семейного быта украинского крестьянства второй половины XIX — начала XX в.», А. Ф. Кувеневой — «Колхозные обжинки на Украине», А. С. Куницкого — «К этнографическому изучению народных жилищ в городах Украины», Л. Шевченко — «Промыслы колхозников с. Борки Любешовского района Волынской области».

Мы не имеем возможности подробно остановиться на каждой из этих статей. Отметим только, что все они по-своему интересны, изобилуют новыми наблюдениями и фактами (последним в известной степени объясняется чисто описательный характер отдельных статей, содержащих ранее не известный материал).

Считаем необходимым высказать отдельные замечания или, вернее, пожелания В. Т. Зиничу и А. Ф. Кувеневой в связи с дальнейшей разработкой ими мало исследованных тем, представляющих большой интерес и для фольклористов. В статье В. Т. Зинича хотелось бы найти более полное и разностороннее описание изменчивости репертуара кобзарских ансамблей рабочих, отношение к ним общественных организаций, найти более обстоятельную характеристику современных произведений кобзарей-рабочих в сравнении с традиционными. В статье А. Ф. Кувеневой о колхозных обжинках, наряду с описанием нового обряда, следовало бы перечислить произведения, которые при этом исполняются: какие из них традиционные и какие — новые. Это очень важно было бы знать.

В разделе «Научная хроника» напечатаны: статья А. С. Куницкого «Работа отдела этнографии в 1954—1956 гг.» и информация «Совещание по вопросам этнографических групп и локальных особенностей в культуре и быте украинского народа конца XIX — начала XX вв.». В последней статье дано изложение выступлений участников названного совещания, которое состоялось 20—23 февраля 1956 г. в отделе этнографии Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР.

В разделе «Критика и библиография» помещены две рецензии Л. Шевченко на книги «Матеріали з етнографії та художнього промислу» (Праці українського державного музею етнографії та художнього промислу, Вип. 1, Київ, 1954) и «Довідник по фондах Українського державного музею етнографії та художнього промислу Академії наук УРСР», (Київ, 1956); Е. Кравец — на труд Н. М. Никольского «Происхождение и история белорусской свадебной обрядности» (Минск, 1956).

Четвертый том «Ученых записок» Института искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР представляет значительный интерес. Отмеченные отдельные недостатки и неточности в ряде случаев свидетельствуют о неразработанности поднимаемых в статьях вопросов и не снижают научно-познавательной ценности книги.

Б. П. Кирдан

М. С. Туганов. *Осетинские народные танцы*. Сталинир, 1957, 44 стр.

Перед нами небольшая по объему, но очень интересная по содержанию работа ныне покойного (умер в 1952 г.) осетинского художника, этнографа и фольклориста Махарбега Сафаровича Туганова.

Окончив в 1905 г. Петербургскую академию художеств, М. С. Туганов на протяжении многих лет, разъезжая по Осетии, неутомимо изучал народное изобразительное искусство, собирал этнографические и фольклорные материалы. Еще в 1911 г. им были опубликованы на дигорском наречии «Песни о нартовском Ацамазе»¹, записанные им из уст стариков. Туганов — автор ряда ценных исследований по осетинским нартовским сказаниям. Большую научную ценность представляют его иллюстрации к нартовскому эпосу; среди них особенно большой популярностью пользуется картина «Пир нартов»². Однако, к сожалению, научное наследие М. С. Туганова используется еще недостаточно. Так, нам известно, что до сих пор лежат в архиве художника его рукописи, содержащие материалы по орнаменту и народному костюму осетин — плод мно-

¹ Напечатано в сборнике, озаглавленном «Дигорон Каданга, Туганти Махарбеги финст» (Дигорские сказания, запись Туганова Махарбега), Владикавказ, 1911; кроме того, «Песнь о Нарте Ацамазе» была опубликована В. И. Абаевым в его книге: «Из осетинского эпоса. 10 нартовских сказаний, текст, перевод, комментарии» (Изд-во АН СССР, М.—Л., 1939). В предисловии к этой своей книге В. И. Абаев пишет: «Эта песнь, напечатанная в 1911 г. старой графикой, без перевода и пояснений, со множеством опечаток, в настоящее время стала библиографической редкостью. Запрошенный нами относительно условий и характера записи М. Туганов любезно сообщил: «Песня об Ацамазе записана мною в нескольких вариантах от разных лиц в разное время. В основу взят вариант, записанный от начала до конца в сел. Дурдур в Дигории в 1900 г. Метрический размер сказания — обычный размер дигорской эпической песни». (В. И. Абаев, Указ. раб., стр. 11).

² См. «Нартские сказания. Осетинский народный эпос», перевод Валентины Дыник, М., 1949.